

Россия – Япония: от сердца к сердцу

Что дозволено Юпитерам...

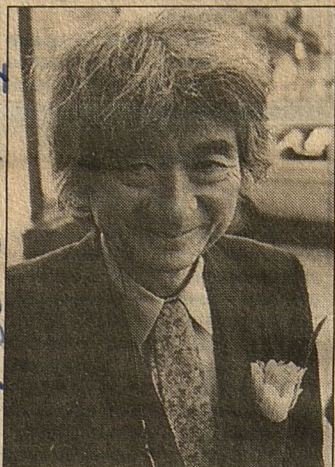

Фото Н.Самойловой

Сейджи Озава

Два музыканта мировой величины в несколько десятков карат выступили в Большом зале Московской консерватории, дав два концерта подряд, и с теми же программами в Большом зале Государственной академической филармонии имени Д.Д.Шостаковича в Петербурге. Эта акция называлась мост культуры Россия – Япония "От сердца к сердцу" (спонсоры – Банк Империял и Трансконтинентбанк).

В первом концерте Мстислав Ростропович сыграл виолончельный концерт Дворжака ор. 104 с

симфоническим оркестром "Нью Джапан Филармоник", за пультом был один из оставшихся корифеев дирижерской палочки Сейджи Озава. Затем Ростропович остался на артистическом подиуме играть оркестровые соло в симфонической поэме Штрауса "Дон Кихот".

Второй концерт был пронзительно программным. "Военным реквиемом" Бриттена дирижировали оба маэстро: Ростропович большим оркестром плюс сопрано и хор, а Озава камерным, ведя драму двух солдат (тенор и баритон). На пресс-конференции утверждалась правомерность такого разделения согласно авторской воле и традиции: сам Бриттен всегда дирижировал только камерным составом.

Общий состав исполнителей включал японский симфонический и камерный оркестры с введенными в состав московскими музыкантами, хор Симфонической капеллы России (художественный руководитель В.Полянский), хор мальчиков (Московская капелла мальчиков, художественный руководитель Н.Камбург) и солистов – Эико Морикава, признанную исполнительницу современной музыки, солиста Большого театра Бадри Майсурадзе и Мариинского – Андрея Славного.

(Окончание на 2-й стр.).

Россия – Япония: от сердца к сердцу

Что дозволено Юпитерам...

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Существуют разные способы "высказывать" масштабное содержание. Ростропович выбрал самозабвенность, а Озава – идеальную тщательность. Но речь сейчас не о том, как себя явил каждый из музыкантов (их биографии полны явлениями); хочется высказать впечатление о том, каким предстал их союз, основанный, как горячо они декларировали, на огромном восхищении и взаимной любви. Признаем, что это оказались не петушино-кукушкины фразы, а реальная звуковая материя. Она соединила две разнонаправленные (в I части) индивидуальности в концерте Дворжака сначала в гармонический дуэт (II часть), а потом слила их в финале в факел живого огня или поток живой воды, как хотите, – во что могут слиться огонь с водой, если, как в сказке, гений-мастеровой выстроит для них дом (партитуру), в котором они могут жить вместе.

Озава – сама неупорядоченность. Как бы скромно в тот или иной момент ни звучала под его руками оркестровая масса (а он способен извлекать неслыханное пиано), в его жестах чувствуются вечное томление и устремленность, притом каждый раз его эмоциональные руки танцуют выразительнейший танец – кажется, если убрать звук, можно угадать, чем он дирижирует в данный момент.

Ростропович, напротив, существует и дышит естественно текущим моментом. Он яркий тип художника, о котором, к примеру, Ван Гог писал брату: "Он работает так же естественно, как поет соловей, такая уж у него натура! Каким может быть союз двух разных, но крайне симпатизирующих лич-

ностей? Я хотел бы вложить в картину все свое восхищение, всю свою любовь к нему. Следовательно, для начала я пишу его со всей точностью, на какую я способен. Но полотно после этого еще не закончено. Чтобы завершить его, я становлюсь необузданным колористом. Я преувеличиваю светлые тона его волос, доходя до оранжевого, хрома, лимонного. Позади его головы я пишу не банальную стену комнатухи, а бесконечность".

А ведь это как раз сценарий нашего концерта. Трактовки, которые были продемонстрированы, может быть, вовсе и не присущи двум музыкантам отдельно. Их породил именно союз, замешанный на любви и желании раскрыть артистическую личность другого, на соревновании оркестра и соло, на правде самого жанра концерта. Предельное, фантастическое внимание к солисту, аккомпанемент со всей точностью, на которую способен дирижер, свое и чужое понимание музыки, сплавленное в "наше", – редкое в этом отношении представление.

Походя добавим, что его еще можно назвать каталогом лирики. Можно еще говорить о цезурах Сейджи Озава. У него врожденное, исключительное "чувство края" (плюс усвоенная американская традиция). Если можно сказать, что, если Мстислав Ростропович будет не все "выигрывать" из того, что мог раньше, он все равно останется первым виолончелистом мира. И правда то, что они оба называют себя солдатами музыки ("Среди нас нет генералов"). Каждый из них творит, отключившись от переполненного донельзя зала. Между тем сколько на нашей памяти концертов,

когда на груди музыкантов светилось: "Гениальный N играет Рахманинова".

Несколько слов о поэме Рихарда Штрауса. Безусловно, в кругу оркестровых соло, вынесенных к дирижерскому пулту, виолончельные, исполненные Ростроповичем, самые "вкусные". Но ощущение его творчества как творчества рядового оркестранта поразительно еще больше. Ведь только такие искренние вещи уничтожают налет шоу, угрожающий концертам знаменитостей. Большой зал ведь стоит не в вакууме, он находится в своем времени и культурном пространстве, по которому давно уже гуляет другой ветер. Но ближе к музыке.

"Дон Кихот" (как опус) был богат и беспечен. Множество диманичных ярких арабесок сменяли одна другую. Озава чрезвычайно юмористически "вооружил" музыкантов. Добился повышению чистоты тембровых красок, не доводя, конечно, до витражей, – все-таки немецкая музыка. И при всем колористическом богатстве от декоративности ушел, а также от опасности, ожидавшей на другом конце, – тембральной растрепанности. Большая поэма слушалась компактно, как небольшое, тщательно выписанное произведение. Две академии: порядок и хаос – исчерпали суть ее содержательных противоречий. В нынешнее время протянулась нитка прекрасноты во взгляде на будущее, у музыкантов часто беспочвенного или произрастающего на особой почве, вселенского кусочка для избранных.

Ирина КОСМИНСКАЯ